

*Любимый детектив
Английской королевы*

Дайте Перри какое-нибудь заковыристое убийство
вкуче с постыдным социальным казусом –
и она напишет такой викторианский детектив,
которому позавидовал бы сам Диккенс.

The New York Times

Когда расследование ведут инспектор Томас Питт
и его жена Шарлотта, мы можем быть уверены,
что находимся в образцово-показательной
викторианской компании.

The New York Times

Мало кто из создателей детективов в духе Артура Конан Дойля
может так красочно воспроизвести атмосферу
викторианского Лондона, так точно прорисовать
его детали и воссоздать настроение
той эпохи, как Перри.

San Francisco Chronicle

Если вы купили очередную историю от Энн Перри,
то вы можете смело рассчитывать на то,
что она будет превосходна.

The San Diego Union Tribune

Участливость Питта и природная сметка Шарлотты
сделали эту пару практически идеальными сыщиками –
и уникальными литературными характерами...
Энн Перри благодаря своему редкому дару описала
их очень живо и жизненно.

The Philadelphia Inquirer

Призрак с Кейтер-стрит
Находка на Калландер-сквер
Туман над Парагон-уок
Воскрешение на Ресуррекшн-роу
Вор с Рутленд-плейс
Утопленник из Блюгейт-филдс
Смерть в Поместье Дьявола
Натюрморт из Кардингтон-кресент
Тишина в Хановер-клоуз
Казнь на Вестминстерском мосту
Скандал на Белгрейв-сквер
Невидимка с Фэрриерс-лейн
Палач из Гайд-парка
Пожар на Хайгейт-райз

Энн
Терри

Пожар
на Хайгейт-райз

ЭКМО
Москва
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
П 27

Anne Perry
HIGHGATE RISE

Copyright © 1991 by Anne Perry

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на переплете *П. Трофимова*

Перри, Энн.

П 27 Пожар на Хайгейт-райз / Энн Перри ; [пер. с англ. И. Данилова]. — Москва : Эксмо, 2014. — 416 с. — (Любимый детектив Английской королевы).

ISBN 978-5-699-71558-9

Обычно инспектор лондонской полиции Томас Питт не занимался пожарами, тем более за пределами своего участка. Но только не в случае поджога. А именно поджог произошел в Хайгейте, весьма благополучном пригороде столицы. Картина преступления была ясна — дом доктора Шоу загорелся сразу в четырех местах. Сам доктор в это время находился у очередного пациента и не пострадал, а вот его жена Клеменси погибла. Высокое начальство поручило это дело Питту. Как обычно, не смогла остаться в стороне и его жена Шарлотта...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-71558-9

© Данилов И., перевод на русский язык, 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

*Посвящается Мег Макдональд
в благодарность за ее дружбу
и неизменную веру в меня,
а также Мег Дэвис
за ее дружескую помощь,
советы и труды*

Глава 1

Инспектор Томас Питт смотрел на дымящиеся руины дома, не замечая потоков дождя, от которых уже весь промок насквозь, так что даже волосы прилипли ко лбу, а капли просачивались между поднятым воротником и толстым вязаным шарфом и леденили спину, стекая вниз. Он все еще чувствовал жар, исходящий от развалин почерневших кирпичей. Дождевая вода капала с разрушившихся арок и шипела, попав на угли, от которых поднимались завитки пара.

Даже по тому, что осталось от дома, было видно, что это было красивое здание, чье-то жилище, добротно построенное и изящное. Теперь от него мало что осталось, разве что помещения для слуг.

Стоявший рядом с ним констебль Джеймс Мёрдо неуклюже переступил с ноги на ногу. Он служил в местном полицейском участке, хайгейтском¹, и его возмущало решение начальства вызвать инспектора из города, из главного уголовного полицейского участка на Боу-стрит, пусть даже такого знаменитого, как Питт. У хайгейтских полицейских едва ли были шансы самим заняться расследованием этого дела; но, по мнению констебля, не было никакой надобности уже сейчас посылать за помощью, чем бы ни обернулось впоследствии это дело.

¹ В конце XIX в., когда происходит действие романа, Хайгейт был пригородом Лондона, где проживали весьма состоятельные люди. Теперь это фешенебельный район на севере английской столицы.

Но его мнение было проигнорировано — и вот он, Питт, стоит тут, неряшливый, непричесанный, плохо одетый, если не считать отличных сапог. Карманы раздуты от набитого в них разнообразного барахла, перчатки старые и поношенные, а лицо перемазано сажей и все в горестных морщинах.

— Думаю, это где-то в полночь началось, сэр, — произнес Мёрдо, желая показать, что ребята из его участка уже проделали все, что от них можно было ожидать. — Пожар заметила некая мисс Долтон, она живет дальше, на Сент-Олбанс-роуд. Заметила пламя, когда проснулась ночью, примерно в четверть второго. Тут уже все здорово горело, и она подняла тревогу, послала свою горничную к соседу, полковнику Анстратеру. У него имеется этот... телефонный аппарат. Они были застрахованы, так что пожарная команда прибыла примерно через двадцать минут, но уже ничего не смогла сделать. К тому времени главная часть дома уже пылала вовсю. Воду они брали из хайгейтских прудов, — он махнул рукой в сторону, — это вон там, за полями.

Питт кивнул, стараясь запомнить развернувшуюся перед ним картину. Страх и обжигающий жар, вынудивший собравшихся отступить подальше от огня, беспокойно ржущие лошади, брезентовые ведра с водой, что передавали из рук в руки, — все это было совершенно бессмысленно и безнадежно. Скоро все здесь будет охвачено дымом и пламенем, вздымающимся до небес, балки с грохотом обрушатся, рассыпая вокруг искры, улетающие в темноту. Запах горелого плотно стоял в воздухе, от него слезились глаза и першило в горле.

Неосознанным движением Томас стер со щеки клоч сажи, чем сделал только хуже.

— А что насчет тела? — спросил он.

Чувство обиды и соперничества исчезло, как только Мёрдо вспомнил пошатывающихся пожарных, вытаскивающих из развалин носилки. У всех у них были бледные лица. На носилках лежали жуткие останки погибшей, обгоревшие так страшно, что это уже не было целым телом — и тем не менее как ни странно и ужасно, еще уз-

наваемые как человеческие. Отвечая инспектору, Мёрдо вдруг обнаружил, что голос у него дрожит.

— Мы считаем, что это миссис Шоу, сэр; жена местного врача, он же владелец дома. Он также служит полицейским хирургом. Мы вызвали врача общей практики из Хэмпстеда, но он немного смог сообщить. Да я и не думаю, что кто-то на его месте сделал бы лучше. Доктор Шоу сейчас у соседей, у мистера Эймоса Линдси. — И он кивком указал в сторону Хайгейт-райз¹ и Уэст-Хилл. — Вон в том доме.

— А он не пострадал?

— Нет, сэр. Он был на выезде, по вызову. Женщина рожала, и доктор Шоу пробыл там большую часть ночи. И узнал о пожаре, только когда возвращался домой.

— Слуги? — Питт отвернулся наконец от пожара и посмотрел на Мёрдо. — Кажется, та часть дома пострадала менее всего.

— Да, сэр. Все слуги успели выбраться, но у дворецкого сильные ожоги, он сейчас в больнице. В лазарете Святого Панкраса, это сразу к югу от кладбища. Кухарка в шоке, за ней присматривает родственница, она живет на Северн-Систерз-роуд. Горничная все время плачет и говорит, что ей ни за что не следовало приезжать сюда из Дорсета и что она хочет вернуться обратно домой. Повседневная же прислуга приходит только днем.

— И с ними все в порядке? Никто, кроме дворецкого, не пострадал? — еще раз спросил инспектор.

— Совершенно верно, сэр. Пожар возник в главной части дома. Крыло, где обитают слуги, занялось в последнюю очередь, так что пожарные успели всех их вывести. — Констебль передернулся, несмотря на жар, исходящий от тлеющего дерева и раскаленных руин перед ними.

Слабый сентябрьский дождичек уже стихал, на небе появилось водянистое послеполуденное солнце, осветив деревья за полями, лесок, именуемый Бишопс-вуд. Ветер дул слабый, с южной стороны, от огромного города Лон-

¹ Х а й г е й т - р а й з (англ. Highgate Rise) — Хайгейтский холм.

дона, где расстилались Кенсингтон-гарденз¹, в которых всюду цвели цветы, гуляли гувернантки в накрахмаленных фартуках, ведя по дорожкам своих подопечных детишек, а оркестры исполняли завлекательные мелодии. По Мэллу² катили экипажи, и роскошно одетые леди махали друг другу ручками и демонстрировали последние модели шляпок, а любящие порисоваться леди с менее незапятнанной репутацией скакали легким галопом по Роттен-роу³ и строили глазки джентльменам. Королева, по-прежнему одетая во все черное, заперлась в Виндзорском замке и продолжала скорбеть и оплакивать принца Альберта⁴, умершего двадцать семь лет назад. А в темных переулках Уайтчепела⁵ какой-то безумец расчленял женщин, уродовал им лица, оставляя их тела на тротуарах в ужасном виде, все в крови. Пресса скоро окрестит его Джеком Потрошителем.

Мёрдо сторбился и надвинул свой шлем поглубже.

— Только миссис Шоу погибла, инспектор. А пожар, как представляется из того, что нам известно, начался одновременно по крайней мере в четырех разных местах — и сразу же охватил весь дом, словно портъеры облили ламповым маслом или керосином. — Его юное лицо напряглось и застыло. — Можно, конечно, случайно пролить масло на портъеры, но не в четырех же разных комнатах, чтобы все они загорелись в одно и то же время и чтобы никто об этом не знал. Видимо, это был преднамеренный поджог.

Питт ничего на это не сказал. Все потому, что это было для него просто невыносимо — стоять здесь, в изуродованном садике, рядом с этим ретивым и недовольным юным констеблем с испачканным сажей лицом и гла-

¹ Кенсингтон-гарденз — большой парк в северном Лондоне, заложен в 1728 г.

² Мэлл — аллея в центре Лондона, ведет от Трафальгарской площади к Букингемскому дворцу.

³ Роттен-роу — аллея для верховой езды в Гайд-парке.

⁴ Принц Альберт (1819–1861) — принц-консорт, муж королевы Виктории.

⁵ Уайтчепел — один из беднейших районов лондонского Ист-Энда.

зами, широко распахнутыми от шока и жалости в результате того, что он тут увидел.

— Вопрос в том, — произнес Мёрдо, — кого намеревались убить — миссис Шоу или самого доктора?

— Тут, видимо, имеется и множество других вопросов, на которые нам придется искать ответы, — мрачно ответил Питт. — А начнем мы с пожарного начальства.

— У нас есть его рапорт, сэр, он в полицейском участке. Это примерно в полумиле вверх по дороге. — Мёрдо говорил немного скованно, снова вспомнив своих коллег и их недовольство.

Томас последовал за ним, и они в молчании двинулись в путь. Несколько бледных листьев пролетели по вымостке, мимо проехал двухколесный кеб с кучером сзади. Дома здесь были солидные. В них жили весьма респектабельные люди с деньгами — жили в уюте и со значительными удобствами, — на западной стороне дороги, ведущей к центру Хайгейта с его общественными зданиями, конторами адвокатов, магазинами, водоочистой станцией, Понд-сквер и огромным аккуратным кладбищем, простирающимся далеко к юго-востоку. Позади домов с обеих сторон виднелись поля, зеленые и молчаливые.

В полицейском участке Питта встретили очень вежливо, но по усталым лицам полицейских и по тому, как молодые, как прежде Мёрдо, избегали встречаться с ним взглядами, Томас сразу понял: они недовольны тем, что пришлось его сюда вызвать. Во всех полицейских участках Лондона не хватало людей, и всем полицейским отменили отпуска с целью собрать и направить в Уайтчепел как можно больше людей, чтобы наконец разобраться с чудовищными убийствами, которые потрясли весь Лондон и занимали первые полосы газет по всей Европе.

Рапорт брандмейстера был уже выложен на стол суперинтенданта, расчищенный специально для Питта. Тут же стоял и сам суперинтендант — седовласый, спокойный, уравновешенный и такой вежливый, что это только усиливало, но никак не скрывало его недовольство. На нем был чистенький мундир, но лицо носило явные следы усталости, а на руках были заметны ожоги, которыми у него не было времени заняться.

Питт поблагодарил его — не слишком усердно, дабы не привлекать лишнего внимания к этой внезапной перемене их ролей, — и взял со стола рапорт. Тот был написан аккуратным, каллиграфическим почерком. Все изложенные в нем факты выглядели четко и просто, это была всего лишь расширенная версия того, что уже сообщил ему Мёрдо. Пожар начался одновременно в четырех местах — на портьерах в кабинете, библиотеке, столовой и гостиной — и занялся очень быстро, словно ткань портьер была пропитана ламповым маслом или керосином. Подобно всем прочим в этом районе, дом освещался газовыми рожками, и как только огонь добрался до подводных трубок, они взорвались. У обитателей дома было мало шансов выбраться из пламени, если бы только их не разбудили в самом начале пожара и если бы они не высочили наружу через служебное крыло.

Как следует полагать, миссис Шоу, по всей вероятности, задохнулась в дыму, прежде чем сгорела; а доктор Стивен Шоу был на вызове, у пациентки, в миле от дома. Слуги ничего не почувствовали, пока не прибыла пожарная команда и не разбудила их звоном своих колоколов, а потом пожарные приставили к их окнам лестницы и помогли всем вылезти наружу.

Было уже почти три часа дня, и дождь прекратился, когда Питт и Мёрдо постучались в дверь соседа, проживавшего справа от сгоревшего дома. Дверь отворили менее чем через минуту; открыл ее сам владелец, маленький человек с аккуратно причесанными седыми волосами, откинутыми со лба и лежащими волнистой львиной гривой. Выражение его лица было весьма серьезным. Между бровей залегла складка, выдававшая озабоченность и беспокойство, а очертания рта, мягкие и четкие, не носили ни намек на чувство юмора.

— Добрый день, добрый день, — торопливо произнес он. — Вы ведь из полиции? Да, конечно, из полиции. — Мундир Мёрдо делал это его наблюдение ненужным, хотя он искоса смотрел на Питта. Человек обычно не помнит лица полицейских, точно так, как не помнит лица кондукторов или чистильщиков уличных канав, но отсутствие мундира было для него необъяснимым явлением.

Он отступил назад и чуть в сторону, давая им возможность войти внутрь.

— Заходите. Вы, конечно, хотите узнать, не видел ли я чего-нибудь. Естественно. Не могу понять, как это случилось. Такая аккуратная женщина! Ужасно! Газ, надо полагать. Я частенько думаю, что, наверное, лучше было бы не расставаться со свечами. Это гораздо приятнее и удобнее. — Он повернулся и повел их через довольно мрачный холл в большую гостиную, которая на протяжении многих лет явно служила ему кабинетом.

Питт с интересом огляделся вокруг. Комната носила явный отпечаток личности своего хозяина и многое могла о нем рассказать. Здесь имелись четыре очень неаккуратные книжные полки, наверняка заполненные так, как это было удобно хозяину, а вовсе не в целях украшения. На них царил полный беспорядок — свидетельство частого использования. Стопы бумаг были засунуты рядом с томами в кожаных переплетах, маленькие томики рядом с огромными фолиантами. Весьма романтическая картина в золоченой раме, изображающая сэра Галахада, опустившегося в молитве на колени, висела над камином, а напротив размещалась еще одна — леди Шаллотт¹ с цветами в волосах, плывущая по реке. На маленьком круглом деревянном столике рядом с кожаным креслом стояла изящная статуэтка конного крестоносца, по письменному столу были разбросаны распечатанные письма. На подлокотнике дивана в опасном равновесии покоились три газеты, по сиденью же были разбросаны газетные вырезки.

— Куинтон Паскоу, — торопливо представился хозяин. — Но вы, конечно, уже знаете, кто я. Проходите сюда. — Он нырнул к газетным вырезкам и убрал их в открытый ящик письменного стола, куда они свалились в хаотичном беспорядке, все смятые. — Присаживайтесь, джентльмены. Это просто ужасно! Просто ужасно! Миссис Шоу была прекрасная женщина. Ужасная утрата! Настоящая трагедия!

¹ Сэр Галахад (Галаад) — один из рыцарей Круглого стола короля Артура; леди Шаллотт — также героиня «Артуровского цикла».

Томас осторожно присел на диван, не обращая внимания на шорох смятых газет, засунутых за спинку. Мёрдо остался стоять.

— Инспектор Питт. И констебль Мёрдо, — сказал он, представляя их обоим. — В какое время вы легли спать, мистер Паскоу?

У хозяина дома удивленно взлетели брови, но он тут же понял смысл вопроса.

— Да-да, я понимаю... Незадолго до полуночи. Боюсь, что я ничего не видел и не слышал, пока меня не разбудили колокола пожарной команды. Потом, конечно, шум самого пожара... Ужасно! — Он помотал головой, кидая на Питта извиняющийся взгляд. — Боюсь, я сплю довольно крепко. И теперь чувствую себя очень виноватым... Ох, боже мой! — Он засопел и заморгал, отвернувшись к окну, за которым был еще вполне виден дикий, запущенный и заросший сад, полный темно-желтых цветов ранней осени. — Если бы лег немного пораньше, даже на пятнадцать минут, я бы, наверное, увидел первые язычки пламени и поднял бы тревогу. — Он весь скривился, словно это видение ясно предстало перед его внутренним взором. — Мне ужасно жаль. Хотя что в нем пользы, в этом сожалении? Поздно уже сожалеть.

— А вы случайно не выглядывали на улицу в последние полчаса перед тем, как лечь в постель? — продолжил расспросы Питт.

— Я не видел пожар, инспектор, — сказал Паскоу чуть более резко. — И не вижу причин, чтобы вы меня так дошито допрашивали. Я оплакиваю покойную миссис Шоу. Она была просто прекрасная женщина. Но никто из нас теперь ничего уже поделать не может, разве что... — Тут он снова засопел и надул губы. — Разве что сделать все, что в наших силах, для бедного доктора Шоу. Так я полагаю.

Мёрдо все переминался с ноги на ногу, а его глаза то и дело перебегали с Паскоу на Питта и обратно.

О трагедии очень скоро станет известно всем, так что Питт не видел никаких плюсов в том, чтобы соблюдать тайну. Он наклонился вперед, и газета за спинкой дивана снова зашуршала.

— Пожар вовсе не был несчастным случаем, мистер Паскоу. Конечно, взрыв газа еще более ухудшил положение, но отнюдь не был источником возгорания. Огонь занялся в нескольких местах одновременно. По всей видимости, возле окон.

— Возле окон? Что вы хотите этим сказать? Окна ведь не горят, инспектор! Вы вообще кто такой?

— Инспектор Томас Питт из участка на Боу-стрит, сэр.

— Боу-стрит? — Седые брови Паскоу снова удивленно поднялись. — Но Боу-стрит в Лондоне, далеко отсюда. Разве местная полиция не могла с этим справиться? С ней что-то не так?

— Все с ней так, — сказал Томас, с трудом сдерживая раздражение. Видимо, будет достаточно трудно поддерживать дружественную атмосферу при таких-то комментариях, да еще в присутствии Мёрдо. — Но суперинтендант полагает, что дело очень серьезное, и желает расследовать его как можно скорее. Начальник пожарной команды считает, что пожар вспыхнул возле окон, так, словно портьеры загорелись первыми, а тяжелые портьеры хорошо горят, особенно если пропитать их ламповым маслом или керосином.

— Бог ты мой! — Лицо Паскоу стало совершенно белым. — Вы хотите сказать, что кто-то намеренно устроил поджог... чтобы погубить... Нет! — Он яростно замотал головой. — Вздор! Полная чушь! Никому это не нужно — убивать Клеменси Шоу. Должно быть, они нацелились на доктора Шоу. А сам-то он где был, кстати? Почему его не было дома? — Он замолчал и с несчастным видом уставился в пол.

— Так вы видели кого-нибудь, мистер Паскоу? — повторил свой вопрос Питт, изучая сгорбленную фигуру хозяина. — Может, кто-то шел по дороге; может, какой-то экипаж проехал или телега? Может, свет мелькнул? Или еще что-то?

— Я... — Паскоу вздохнул. — Я вышел прогуляться в саду, прежде чем отправиться наверх. Я работал над одним докладом, и мне встретились некоторые затруднения. — Он прокашлялся, поколебался минутку, но тут эмоции пересилили, и слова потоком полились из его рта. — Этот

доклад — опровержение нелепых и абсурдных утверждений Далгетти о короле Ричарде Львиное Сердце. — Тон его сразу смягчился при упоминании этого имени, стал прямо-таки романтически-нежным. — Вы ведь не знаете Джона Далгетти, да и откуда вам его знать... Это крайне безответственный человек, совершенно не умеющий сдерживаться, абсолютно лишенный должного чувства благопристойности и приличия. — Его лицо при этих словах даже сморщилось от отвращения. — У литературных критиков есть такая обязанность, понимаете? — Он посмотрел Томасу прямо в глаза. — Мы создаем определенное общественное мнение. Это имеет огромное значение — что именно мы предлагаем и продаем публике, что мы хвалим, а что критикуем. А Далгетти готов игнорировать или даже высмеивать все ценности истинного рыцарства и чести — и все это, видите ли, во имя свободы... Но на самом деле он ратует за полную распущенность, за излишнюю вольность, за нарушение всех и всяческих правил и норм. — Паскоу подскочил и замахал руками в воздухе, вроде как изображая эту самую вольность. — Он выступил в поддержку этой ужасной монографии Эймуса Линдси по поводу этой новой политической философии. Фабианское общество¹, так они себя именуют... Но то, что он пишет, — это призыв к настоящему анархизму! К сущему хаосу! Отнять собственность у людей, которые владеют ею по праву... Это воровство! Прямой и откровенный грабеж! Никто на такое не пойдет! Это означает кровопролитие прямо на улицах, если у этого общества появится достаточное число сторонников. — Он сжал челюсти в попытке унять свое возмущение. — Тогда англичане будут сражаться с англичанами на нашей собственной земле! А Линдси утверждает, что в этом есть некая естественная справедливость: отнять у одних частную собственность и поделить ее между другими, независимо от их усердия или честности. Даже вне зависимости от того, уважают ли они эту собственность, ценят ли

¹ Фабианское общество — организация английской либеральной интеллигенции, созданная в 1884 г.; ее члены проповедовали постепенное преобразование капиталистического общества в социалистическое путем постепенных реформ.

ее, умеют ли ее сохранять... — Он пристально уставился на Питта. — Только подумайте, какие это принесет разрушения. И потери. И о чудовищной несправедливости подумайте. Все, для чего мы трудились, что мы берегли и о чем так заботились... — Его голос взлетел куда-то очень высоко, у него даже горло перехватило от избытка эмоций. — Все, что мы унаследовали от прежних поколений, вся эта красота, все эти сокровища прошлого, — все это, по мнению этого идиота Шоу, конечно же, должно пропасть!

Паскоу судорожно сцепил пальцы, все тело его напряглось, но тут вдруг он вспомнил, что Питт — полицейский, у которого, видимо, нет никакой особой собственности, а потом еще вспомнил, зачем тот здесь оказался. И снова сгорбился, опустил плечи.

— Извините. Не следовало мне так резко критиковать человека, только что потерявшего жену. Стыд какой...

— Итак, вы вышли погулять в сад, — напомнил ему Питт.

— О да. У меня устали глаза, и я решил немного освежиться, восстановить внутренний мир, душевное равновесие. И вышел в сад. — Он улыбнулся доброй улыбкой при этом воспоминании. — Вечер был просто чудесный, луна светила, ее лишь изредка закрывали клочки облаков, с юга дул легкий ветерок. И, знаете, я даже соловья услышал! Просто великолепно. Прямо плакать хотелось от восторга. Такая красота! Такая красота! Спать я отправился полностью успокоившимся, с миром в душе. — Он поморгал. — Ужасно! Всего в двадцати ярдах отсюда происходит нечто жуткое, и женщина пытается спастись, борется за жизнь, хотя у нее, наверное, почти нет шансов, — а я ничего об этом не знаю...

Питт смотрел на виноватое выражение его возбужденного лица.

— Видите ли, мистер Паскоу, даже если бы вы не спали всю ночь, то наверняка ничего бы не увидели и не услышали, пока уже не стало слишком поздно. Пожар занимает очень быстро, особенно если поджог преднамеренный. А миссис Шоу могла задохнуться в дыму, так и не проснувшись.